

# «Как нам бороться с собственной дикостью — не знаю»

Имя нашего сегодняшнего собеседника — писателя и драматурга — **Григория ГОРИНА** настолько хорошо известно читателям, что долго представлять его нет нужды. Его пьесы широко идут в театрах нашей страны и за рубежом. Фильмы и телефильмы, снятые по его сценариям режиссером Марком Захаровым, — желанные гости белого и голубого экранов. Зрительский интерес к «Обыкновенному чуду», «Тому самому Мюнхгаузену», «Формуле любви», «Дому, который построил Свифт», многим другим кинокартинам и пьесам, неизменно высок даже в наше время тревоги и уныния. И секрет этого, наверное, в том, что Горин смотрит на мир «всежими и нынешними очами», всегда находя неожиданный ракурс.

— Григорий Израилевич, почти все видели вас во время августовских событий у Белого дома. Вы были полны надежд, радости. Прошло время, и на смену радости пришли другие чувства. Какие?

— Я не говорю, что радость ушла. Она осталась как часть биографии тех людей, которые выиграли на том коротком этапе. Это была радость единения с людьми, которые мыслят так же, как и ты. Но умные люди, бывшие у Белого дома тогда, понимали, что это только начало. Знаете, у польского писателя Станислава Ежи Леца есть замечательное высказывание: «Наконец я достиг дна, и тогда снизу постучали». Сначала достигли дна. Потом постучалась новая жизнь, и выяснилось, что эта громадная страна абсолютно не готова вступать в те новые взаимоотношения, о которых так долго говорили. Все обещания быстрой победы рынка ничем не отличаются от обещаний быстрой победы коммунизма. Мы по-прежнему выдаем желаемое за действительное, живем мечтой. Чтобы заснуть, проснуться и оказаться вроде бы в Голландии. Кругом цветы, тихо, все встают в пять утра, пьют пиво и никто не напивается. Не будет так, не будет!

Пройти то, что они проходи-



ли за столетия, и нам придется. Капитализм принесет такие проблемы, которые нас не касались раньше. Одно дело, когда ты видишь в кино перестрелку в Чикаго, и другое, когда это уже твоя реальность. Я выхожу во двор и вижу, как мимо бежит человек с пистолетом, а другой в подъезде колется. Мне страшно. Когда таксисты громят прилавки и кричат: «Долой кавказцев!» — это не книжное представление о русском бунте — бессмысленном и беспощадном. Это реальность. Мне 51 год, и я этого не проходил.

Я знаю, как бороться с государственной машиной, но как нам бороться с собственной дикостью — не знаю. Единственное, что у каждого должна быть

уверенность, что против шпаны надо защищаться. И против государства надо было защищаться, но это понимали единицы. А сейчас я хочу сказать всем: «Не дайте новой темной силе парализовать вас страхом. Они бандиты, но и они боятся за свою жизнь...».

— Мы привыкли к революции, но совершенно не знаем, как жить при нормальной эволюции общества...

— Про эволюции мы вообще ничего не знаем. 73 года выработали в нас инстинкт внутриутробного развития. Мы привыкли получать все готовое: кровь, молоко, ощущение, что кто-то за нас отвечает. «Заграница нам поможет, Ельцин должен нас накормить! Почему не дает хлеба Попов?».

За рубежом никому в голову не придет обращаться с этим к мэру. Но в нас это сидит: «Попов, дайте хлеба!». И пойдет толпа митинговать.

Можно еще, как это и я делаю, кинуться к депутату райсовета, Моссовета. Люди идут к ним с тысячьо проблем, а райсовета уже практически нет. Депутаты есть, но командует уже мэрия. Но и там еще плохо понимают, кому и чем командовать. В этот период безвластия страшное количество акул и пираний ворвется сюда. Потому что они понимают: хватай, и никто тебя не поймает. Милиция со мной дружит, так милиционеры у меня просят защиты. Это ли не смешно?

— Скорее грустно. И страшно. Но если бы вы обладали, например, президентской властью, вы сделали бы то же самое, что сделал Ельцин, Попов, или другое?

— Я пошел бы примерно той же дорогой. Но я не делал бы

скоропалительных заявлений, я бы старался ощущать аудиторию. Я согласен с высказыванием Ленина, что идея, овладевая массами, становится материальной силой. Для России это особенно верно.

Когда Ельцин пользуется нормальными магазинами, он завоевывает авторитет. Когда Попов отвечает на вопросы москвичей по телевидению, — тоже. Когда же он в порыве эмоций предлагает дать Ельцину звание Героя Советского Союза, он сразу откатывается назад. Когда в порыве эйфории, мэрия забирает помещения и ни с кем не хочет делиться, она также сразу теряет авторитет.

На Ельцине, Попове, Собчаке лежит тяжкий крест ответственности. Все равно им припишут все наши беды. Поэтому я, например, получив властные полномочия, перешел бы к железной диктатуре. Либо грудь в крестах, либо...

Не надо тратить силы на споры с Афанасьевым и Травкиным, когда перед вами такие противники, как голод, холод и народный бунт. Противника можно взять только на большой скорости. Пока у власти нет ничего, кроме короткого периода уважения народа. Нормальный финансист с умными мозгами, которые будут у нас лет через сто, точно пустил бы это в оборот. И старался бы каждый день сверять шаги, которые продумал, с точкой зрения тех миллионов людей, которые с надеждой смотрят на тебя.

— Сейчас, когда с интеллигенции спали такие путы, как партийный долг и классовый подход, она должна руководствоваться иными принципами. Как вы считаете, какими?

— Я, как и Нина Андреева,

ОКОНЧАНИЕ НА 5-й СТР.